

RU

Специфика преломления семейной темы в творческом сознании автора-повествователя в «Мёртвых душах» Н. В. Гоголя

Жаворонкова М. Ю.

Аннотация. Цель исследования - определить особенности развития семейной темы в творческом сознании автора-повествователя в поэме «Мёртвые души». Научная новизна состоит в том, что на основе рассмотрения повествовательной структуры поэмы выделены две формы присутствия автора в тексте: эпическая, для которой характерна позиция внеаходимости (М. М. Бахтин), и романная, связанная с вхождением автора в материальный мир героев. Обе формы соединены в образе автора-повествователя, синтезирующего в своем сознании бытовой и символический аспекты семейной темы. В результате исследования показано, что через изображение частного домашнего мира персонажей автор-повествователь приближается к универсальному, философскому осмыслению семейной темы.

EN

Specificity of Family Theme Refraction in Author-Narrator's Creative Mind in N. V. Gogol's "Dead Souls"

Zhavoronkova M. Y.

Abstract. The aim of the study is to determine the features of the family theme development in the creative mind of the author-narrator in the poem "Dead Souls". The scientific novelty lies in the fact that based on the consideration of the poem narrative structure, two forms of the author's presence in the text are distinguished: the epic one, which is characterized by the position of being outside (M. M. Bakhtin), and the novel one associated with the entry of the author into the material world of the characters. Both the forms are combined in the image of the author-narrator synthesizing everyday and symbolic aspects of the family theme in his mind. As a result of the study, it is shown that through the depiction of the characters' private home world, the author-narrator approaches the universal, philosophical understanding of the family theme.

Введение

Брачные мотивы и семейная тема присутствуют во многих произведениях Н. В. Гоголя (Жаворонкова, 2018, с. 250-255). На страницах повестей «Вечеров на хуторе близ Диканьки» встречаются описания свадебного обряда. Свадьба изображается как праздник торжества жизни, единения рода в победе над злыми силами. Нарушение обряда или страх свадьбы, который могут испытывать герои, приводит к отпадению от целостного народного мира. В драматургии и петербургских повестях брачные мотивы связаны с жизнью частного человека в Городе. Общий для всех патриархальный идеал семьи уступает место личным представлениям героев о браке и семейном счастье (комедия «Женитьба», повести «Невский проспект», «Нос»). Особое место в этом ряду занимают «Мёртвые души» – финальное художественное произведение, где тема семьи и брачные мотивы не только связаны с предметным миром персонажей, но и входят в сферу авторских размышлений. Необходимость изучить семейную тему в «Мёртвых душах» в комплексе ее предметно-бытового воплощения и авторского слова о ней обусловила актуальность нашего исследования. Кроме того, такой подход позволит создать более целостную картину развития семейной темы в поэме.

Цель исследования определила следующие задачи: проанализировать повествовательную структуру «Мёртвых душ» с точки зрения присутствия в ней эпического и романного начал; выявить формы воплощения семейной темы в поэме; проследить движение смыслов, составляющих семейную тему «Мёртвых душ», в творческом сознании автора-повествователя.

Для решения поставленных задач применяются методы нарративного анализа и имманентного анализа художественного произведения. В качестве дополнительного выступает метод мифопоэтического анализа, позволяющий выявить в тексте элементы и детали с семейно-брачной семантикой.

Теоретической базой для анализа повествовательной структуры поэмы послужили труды М. М. Бахтина (2012) в области теории романа и нарратологические исследования В. Шмида (2003). Также использовался ряд работ, посвященных поэтике «Мёртвых душ»: проблеме жанра и литературных традиций (Манн, 2007; Янушкевич, 2000; Лесогор, 2009); особенностям изображения мира (Кривонос, 2018).

В плане раскрытия семейно-брачного комплекса в поэме настоящее исследование продолжает наши научные изыскания. Основой здесь стал обширный пласт работ, где брачный архетип рассмотрен как один из архаических источников художественности Н. В. Гоголя (Гончаров, 1997; Гольденберг, 2021; Полякова, 2008; Софронова, 2010; Виротайнен, 2003; 2019). Результаты осмысления этих трудов можно найти в нашей обобщающей статье (Жаворонкова, 2018). Особо стоит упомянуть исследования, касающиеся отдельных аспектов семейной темы в «Мёртвых душах»: свадебные архетипы в системе персонажей (Гольденберг, 2021, с. 26-46); символический образ фольклорного, сказочного «города-семьи» (Кривонос, 2018, с. 177-178); домашний мир как часть темы детства (Хусаинова, 2009, с. 14-15).

Практическая значимость исследования заключается в том, что изучение семейной темы «Мёртвых душ» позволяет связать поэму с более ранними произведениями Н. В. Гоголя, где есть брачные мотивы, свадьба и семья. Полученные результаты могут использоваться при составлении лекций и спецкурсов по истории русской литературы, а также на школьных уроках литературы.

Основная часть

Особенности развития семейной темы в «Мёртвых душах» определены жанровой спецификой, которая обусловила разные формы авторского присутствия в тексте. «Мёртвые души» – эпопея, и для автора характерна позиция вневнеочужденности, эпическая отстранённость от изображаемого. Но романная структура произведения обращена к частной жизни персонажей. Как биограф своего героя, свидетель его поездок, автор вступает в домашний мир помещиков. Положение и точка зрения его в произведении подвижны и постоянно меняются: он то находится внутри художественного мира, то выходит за его пределы, погружаясь в рефлексию и размышления. Движение авторской мысли организует текст поэмы, поэтому обращение к системе повествования позволяет рассмотреть семейную тему комплексно, соединив разные её аспекты.

Создавая «Мёртвые души», Н. В. Гоголь «конструирует совершенно новое жанровое целое», для названия которого выбирает слово «поэма» (Манн, 2007, с. 276) как наиболее подходящее. Известно, что писатель подчёркивал это определение и пытался избежать лишних ассоциаций с плутовским романом: на обложке, сделанной по его рисунку, слово «поэма» акцентировано, а цензурная приписка «Похождения Чичикова» отодвинута в верхний край. В современном гоголеведении подробно рассмотрены литературные традиции, с которыми связана форма «Мёртвых душ» (Манн, 2007, с. 276-318). Для нашего исследования важно прежде всего то, что в жанровой форме «Мёртвых душ» синтезированы два начала – эпическое и романное.

Именно романная составляющая создаёт предпосылки для появления семейной темы. Традиция романа-путешествия делает значимой оппозицию дороги и дома (Проскурина, 2003, с. 36), а авантюра Чичикова, в ходе которой он посещает помещичьи усадьбы, «позволяет подойти к персонажам со стороны бытовой, семейно-личной, приватной» (Манн, 2007, с. 293). Поскольку, в отличие от классического пикара, герой Гоголя – не слуга, а скупщик мёртвых душ, в домашний мир персонажей он входит «на правах непосредственного партнёра по сделке» (Манн, 2007, с. 293). Частная жизнь помещиков Чичикова не интересует. Поэтому семейная тема почти полностью смещается в сферу повествования, где её раскрытие обусловлено взаимодействием эпического и романного в сознании автора-творца.

Синтез эпического и романного влияет на повествовательную манеру «Мёртвых душ», в итоге определяя развитие семейной темы. Остановимся на этом процессе подробнее.

Наименование «поэма», как правило, объясняют присутствием в «Мёртвых душах» эпического начала. Потенциал эпического развития содержала сама «идея целостного, единого охвата в будущем произведении не отдельных современностей, а образа Руси в ее общем, сложном, но всё же едином бытии» (Гуковский, 1959, с. 482). Подробно изучена генетическая связь «Мёртвых душ» с «Божественной комедией» Данте. Первые попытки научного осмысления этого вопроса принадлежали А. Н. Веселовскому, Д. Н. Овсяннику-Куликовскому, С. К. Шамбинаго и касались трехчастности замысла Гоголя (Асоян, 1990, с. 77-78). Современные исследования посвящены в основном выявлению общих изобразительных принципов в поэтике двух авторов. Н. В. Лесогор (2009) утверждает, что «Сосредоточенность на внешнем в созерцании и изображении человека и его жизни у Гоголя, как и у Данте, – способ уяснения соотношения божественного с человеческим в каждом лице» (с. 13). По мнению исследователя, к «Божественной комедии» восходит и особая позиция автора: «Он – учитель, преданный ученику, заинтересованный в сохранении его индивидуальности. В том, что готово застыть и остановиться, взгляд Гоголя ищет возможности живого движения» (с. 17).

Значимой для «Мёртвых душ» оказывается и древнерусская эпическая традиция. К ней восходят обращения автора-повествователя к Руси (Кривонос, 2018, с. 48) и изображение русского пространства как мифологического центра мира (Кривонос, 2018, с. 50-51). Одним из жанрообразующих в поэме назван мотив богатырства (Смирнова, 1987, с. 29-32).

Гоголевское определение жанра даёт основания для сопоставления «Мёртвых душ» с классической эпопеей древности. Долгое время считалось, что поэма усваивает античную традицию лишь как пародийный элемент

(Манн, 2007, с. 488), но, как показывает в своём исследовании М. А. Янушкевич (2000), этим влияние не исчерпывается. Сюжет Чичикова действительно пародирует «Одиссею» Гомера, в то время как линия автора «вполне серьёзно и даже программно... соотносена с концепцией истории, судьбы человека и нации в “Энеиде” Вергилия» (с. 17). Таким образом, элементы античной традиции играют в произведении Н. В. Гоголя организующую роль.

Разумеется, не стоит искать прямого сходства «Мёртвых душ» с классической эпопеей. Отличительные признаки жанра (Бахтин, 2012, с. 617) не встречаются у Гоголя. В основе «Мёртвых душ» нет предания о национальном героическом прошлом. Речь идёт о совсем не героической современности, а значит, нет и абсолютной эпической дистанции. Сохраняется венаходимость авторской позиции, но при этом степень её в разных частях текста неодинакова (Есаулов, 2018). Эпическое содержание создаётся другими средствами. Различные эпические элементы формируют в «Мёртвых душах» символический план изображения, универсальный образ мира.

Переосмысление Гоголем изобразительных принципов Данте ведёт к возникновению в «Мёртвых душах» «новой универсальности», для которой характерно «подобие не только части целому, но и внешнего внутреннему, материального существования человека – истории его души» (Манн, 2007, с. 310). Так возникает эффект, подобный овнешнённости эпических героев (Бахтин, 2012, с. 637). Материальный мир произведения обретает символическое значение, а вместе с ним – нравственный смысл. Подобное происходит и с пространством. Звучащий на протяжении всего произведения мотив богатства создаёт образ Руси как «поэтико-символического и фольклорно-эпического пространства» (Кривонос, 2018, с. 42). Этот образ в «Мёртвых душах» выполняет функцию «абсолютного эпического прошлого», которое, согласно М. М. Бахтину (2012), «не есть время в нашем ограниченном и точном смысле слова, но есть некая ценностно-временная иерархическая категория» (с. 622).

Если эпический мир универсален, надличен и существует вне конкретного времени, то романский – это мир современности, повседневности. Жанр, сложившийся как противоположность эпопее (Бахтин, 2012, с. 618), – роман – сосредоточен на частной жизни. Центром сюжета является жизненный путь героя. Как часть этого пути в повествование входит быт, в том числе история семьи, брак, домашний уклад. В «Мёртвых душах» романная составляющая формирует бытовой план изображения. Здесь существуют персонажи и разворачивается афера Чичикова.

Два описанных образа мира у Н. В. Гоголя не изолированы друг от друга. Символический эпический план вмещает в себя бытовой, проступая через него. Скрытый от глаз персонажей, чья жизнь поглощена бытом, он доступен чуткому, пронизательному взору автора-повествователя.

Эпические интонации звучат в повествовании в моменты контакта автора с символическим пространством Руси, с которой он чувствует свою связь. На страницах первого тома Русь предстаёт «сакральным местом, ставшим местом запустения» (Кривонос, 2018, с. 51). Она «постоянно рождает своё *собственное слово*, выражающее творящие способности её души» (Кривонос, 2018, с. 52), являясь источником творческой энергии автора. «Русская поэма», которую автор создаёт, несёт в себе это сакральное слово и имеет очистительный смысл. Финал её даёт надежду на «пасхальное воскресение читателя» (Есаулов, 2018), живой Руси и русского человека. Таким образом, в этой ипостаси автор выступает уже как пророк.

В то же время автор-повествователь не оторван от действительности. Он проявляет интерес к бытовой стороне жизни, показывая наблюдательность, талант бытописателя и очеркиста. В таких эпизодах автор становится более воплощённым, дистанция между ним и изображаемым миром сокращается. Обладая более широким кругозором, чем персонажи, автор осознаёт несоответствие между высоким назначением человека и его пошлой, суёной повседневностью. Потому рассказ о «негоции» Чичикова и городе NN пронизан иронией. Эта – романная – форма авторского присутствия проявляется в близком, доверительном контакте с читателем. В рамках романного повествования автор изображён «стоящим на одной доске со своим читателем и не желающим даже скрывать от читателя механизм своего сочинения, пружины, часто скрываемые от глаз “непосвященных”» (Гуковский, 1959, с. 508). Произведение как бы творится на глазах читателя, с которым автор делится размышлениями и воспоминаниями, раскрываясь в таком общении как личность. Одновременно в поэме выстраивается и развивается линия писательской судьбы автора, связанная с постепенным осознанием им своей творческой миссии.

Две ипостаси автора органично соединяются в форме аукториального рассказчика. Автор-творец «определённо дистанцирован от изображаемого мира» (Манн, 2007, с. 295) и тяготеет к эпическому всезнанию. Он неперсонифицирован, но наделён характером и собственной биографией. Такая форма авторского присутствия одновременно обеспечивает широкий кругозор и придаёт повествованию более личное звучание.

У Н. В. Гоголя автор-повествователь «является таинственным соглядатаем, незримо сопутствующим своим персонажам» (Манн, 2007, с. 296), но за манерой рассказывания угадывается его образ. Это непризнанный писатель, «дерзнувший вызвать наружу... всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавших нашу жизнь, всю глубину холодных, раздробленных, повседневных характеров...» (Гоголь, 2012, с. 126-127). Он уже немолод, не имеет дома, семьи и остро чувствует своё одиночество в мире. Автор-повествователь хорошо знает Россию и любит её. В своей книге он стремится охватить всю русскую действительность в её полноте и самобытности. Он способен на «переживание Руси как символического пространства, с которым его соединяет неразрывная живая связь» (Кривонос, 2018, с. 48). Эта связь даёт нравственный ориентир, с которым автор-повествователь соотносит реальность.

Благодаря сложной мультижанровой структуре повествования семейная тема освещается в «Мёртвых душах» с двух ракурсов. С одной стороны, разные варианты семейного уклада осмысливаются повествователем

как одна из примет русской жизни и часть общей картины русского мира. С другой стороны, домашний быт персонажей, их отношение к семье и браку становятся отражением жизни (или безжизненности) души.

В первой же главе автор подчёркивает детали, указывающие на семейное положение Чичикова. Упоминается «бричка, в какой ездят холостяки» (Гоголь, 2012, с. 9) и «шерстяная, радужных цветов косынка, какую женатым приготовляет своими руками супруга...» (Гоголь, 2012, с. 11). Дальнейшим замечанием: «...а холостым, наверное не могу сказать, кто делает, Бог его знает, я никогда не носил таких косынок» (Гоголь, 2012, с. 11), – повествователь и себя характеризует как холостяка. Сопровождая героя-плута в его поездках по помещичьим усадьбам, повествователь переходит от изображения домашней жизни персонажей к собственным мыслям об идеале семьи.

Дорожные размышления автора содержат ассоциации и образы, складывающиеся в целостную мечту о доме. В воспоминаниях о детстве и юности созданные детским воображением картины семейной жизни разных людей отражают представления об идеале. Дом – это свой угол, где человека любят и всегда ждут. Это место отдохновения, где царят уют и спокойствие. Это большая семья, ужин и интересная беседа за общим столом, крепкие семейные традиции (символически выступает «долговечный домашний подсвечник»). Такая мечта о доме является ценностным ориентиром, мерилем семейного благополучия и счастья.

Но персонажи-помещики целиком поглощены внешней жизнью, в них нет внутреннего движения, поэтому их домашняя уклад оборачивается своей пошлой стороной (Жаворонкова, 2018, с. 254). В описании возникают комические параллели: «долговечный домашний подсвечник» и «щегольской подсвечник» в доме Маниловых; «пылающие лобзания, властные истребить всё печальное из памяти» и слишком продолжительный поцелуй Маниловых. Отдельные элементы идеала воплощаются в домашнем мире помещиков в искажённом виде. Близость душ и любовь замещается ложным романтизмом Маниловых, жизнь хозяйственной и хлебосольной Коробочки чрезмерно погружена в быт, а Плюшкин, потеряв жену, рассорившись с детьми, очерствел, превратился в «прореху на человечестве». Прочный, «без пошатки» дом Собакевича выглядит неуклюжим, грубым, неподвижным, домашнее пространство давяще мертво. Ноздрёв вовсе равнодушен к домашнему миру. Он мало заботится об уюте и обеде, груб с гостями. Свобода для него важнее семьи: «Женитьба его ничуть не переменяла, тем более что жена скоро отправилась на тот свет, оставивши двух ребятишек, которые решительно ему были не нужны» (Гоголь, 2012, с. 69). Такое отношение запечатлел сам вид усадьбы Ноздрёва. Повествователь подробнее описывает не дом, а добротню выстроенную псарню с множеством собак, среди которых Ноздрёв «совершенно как отец среди семейства» (Гоголь, 2012, с. 70).

Рассказывая о прошлом Плюшкина, автор вспоминает о счастливых днях семьи, в которой супруги – бережливые и гостеприимные хозяева. Женщина выступает здесь душой дома, от которой зависит благополучие семьи. Но идеал отнесён в прошлое. После смерти жены Плюшкин ссорится с детьми, запускает хозяйство, а присущая ему «мудрая скупость» превращается в накопительство. Здесь меняется тон повествования. История утраты и разрушения семьи полностью лишена иронического оттенка, проникнута сочувствием и пониманием. Эффект усиливается параллелизмом. Глава открывается воспоминаниями повествователя о детстве и юности, когда всё вызывало живой отклик в его душе и «было весело подъезжать в первый раз к незнакомому месту» (Гоголь, 2012, с. 104). Теперь повествователь видит пошлую сторону жизни. В рамках первого тома поэмы ни в одной из усадеб он не встречает воплощенного своего идеала домашней жизни. В повествовании усиливается мотив одиночества.

Следует отметить, что мечта о доме есть и у Чичикова. Задумываясь о семье, женитьбе и детях, герой пускается в патриархальность. Он видит себя в будущем помещиком, а дети для него прежде всего наследники, «чичонки», продолжение его самого. Но меркантильность Чичикова проникает и в мечту. Он ищет только богатую невесту и представляет, как дети могут упрекнуть его: «Вот, скажут, отец скотина, не оставил нам никакого состояния» (Гоголь, 2012, с. 224). Чичиков обычно думает только о материальном наследстве. После неудавшейся сделки с Ноздрёвым он корит себя: «Пропал бы, как волдырь на воде, без всякого следа, не оставивши потомков, не доставив будущим детям ни состояния, ни честного имени!» (Гоголь, 2012, с. 85). Но он мошенник и пытается заслужить честное имя нечестным путём, а потому эти размышления вызывают усмешку автора. Тем не менее, именно идеал Чичикова мог воплотиться в жизнь. Герой восхищён и заинтересован губернаторской дочкой, к тому же заслужил расположение губернатора. Поэтому «не прояви Ноздрёв своей “страстишки нагадить ближнему”, Чичиков мог бы оказаться женихом вполне реальным» (Гольденберг, 2021, с. 36).

Ближе к концу повествования семейная тема расширяется, приобретая более универсальное содержание. Мысли о «счастливом семьянине» переходят в размышление автора о горькой судьбе непризнанного писателя, который в своём одиночестве подобен «бессемейному путнику». Город NN «предстает в виде провинциального города-семьи» (Кривонос, 2018, с. 177). Но персонажи Н. В. Гоголя духовно бедны, а потому идея города-семьи окрашена иронией. Семейственность и духовная близость принимают формы фамиллярного общения и кумовства. Героев объединяют неискренность, склонность к мошенничеству, взяточничеству. На этом фоне обещание чиновников женить Чичикова, то есть принять его как своего (Кривонос, 2018, с. 183), обретает дополнительный комический смысл.

Семейная тема сохранялась в неоконченном втором томе поэмы. В свете замысла Чичиков не просто посещал усадьбы, а гостил у помещиков и, стремясь заслужить доверие, вызывался уладить их дела. Вместе со смелой положением героя-плута менялся способ изображения домашнего мира. Больше погружаясь в частную жизнь помещиков, уже не повествователь, а сам Чичиков проникался обстановкой уюта, тепла. Купив поместье, он вновь задумывался о женитьбе, детях и о том, как лучше устроить хозяйство. Хотя главной целью по-прежнему оставалась выгода.

Заметное место отведено семейной теме и в публицистике Н. В. Гоголя. В «Выбранных местах из переписки с друзьями» (1847), которые в плане смыслового наполнения продолжают эпическую линию «Мёртвых душ», семья, брак и домашний уклад предстают значимыми формами существования русского мира. Переход от художественного осмысления русской действительности к общему философскому был связан для Гоголя (2009) с опытом создания поэмы. Это подтверждает размышление писателя в главе «Четыре письма к разным лицам по поводу “Мёртвых душ”»: «От души было произнесено это обращение к России: “В тебе ли не быть богатырью, когда есть место, где развернуться ему?” <...> В России теперь на всяком шагу можно сделаться богатырем. Всякое званье и место требует богатырства. <...> Я слышал то великое поприще, которое никому из других народов теперь невозможно и только одному русскому возможно, потому что перед ним только такой простор и только его душе знакомо богатырство...» (с. 80-81).

Заключение

Сделаем выводы. Благодаря совмещению эпической и романной форм авторского присутствия в образе ауториального рассказчика семейная тема в «Мёртвых душах» получает двойное освещение. Выступая в романной ипостаси как свидетель сделок Чичикова и биограф своих героев, автор-творец погружён в их быт. Но постепенно в его творческом сознании создается идеал сильной, живой эпической Руси, частью которого является семья. Домашний уклад становится для него отражением души человека.

Семейная тема поэмы включает в себя следующие составляющие: картины домашнего быта персонажей; идеальные представления автора о семье как нравственный ориентир; символический образ города-семьи.

Обладая избыточным знанием о частной жизни персонажей, автор предвзвешивает и завершает их появление рассказами, в которых преобладает семейная тема. В этих рассказах проступают черты авторского идеала домашнего мира, но в помещичьих усадьбах он не найден. Постепенное осознание автором своей творческой миссии и связанного с ней одиночества актуализирует универсальные смыслы семейной темы. Ближе к финалу произведения слово писателя приобретает пророческое содержание. На этом фоне домашний быт персонажей в сознании повествователя оказывается вписан в более широкие пространственно-временные координаты. Счастье семейной жизни приобретает черты ещё не воплощенного идеала, становясь одной из нравственных ценностей. Конкретизация этого идеала далее развивается в публицистике и духовной прозе Н. В. Гоголя.

Перспективой дальнейшего изучения семейной темы у Н. В. Гоголя является сопоставление её художественного решения в «Мёртвых душах» с философскими взглядами писателя на семью и брак.

Источники | References

1. Асоян А. А. «Почтите высочайшего поэта...»: судьба «Божественной Комедии» Данте в России. М.: Книга, 1990.
2. Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7-ми т. М.: Языки славянских культур, 2012. Т. 3.
3. Виролайнен М. Н. Брачный сюжет в гоголевском Петербурге // Новый филологический вестник. 2019. № 3 (50).
4. Виролайнен М. Н. Ранний Гоголь: катастрофизм сознания // Гоголь как явление мировой литературы: сб. ст. М.: ИМЛИ РАН, 2003.
5. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 17-ти т. М.: Изд-во Московской Патриархии, 2009. Т. 6.
6. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 23-х т. М.: Наука, 2012. Т. 7. Кн. 1.
7. Гольденберг А. Х. Архетипы в поэтике Н. В. Гоголя. М.: Флинта, 2021.
8. Гончаров С. А. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1997.
9. Гуковский Г. А. Реализм Гоголя. М. - Л.: Гос. изд-во художеств. лит., 1959.
10. Есаулов И. А. Россия с позиции вневременности и/или причастного видения? (Гоголевская «точка зрения» в «Мёртвых душах»). 2018. URL: <https://esaulov.net/uncategorized/gogol-mert>
11. Жаворонкова М. Ю. Брачные мотивы в художественном мире Н. В. Гоголя // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 10-2 (88).
12. Кривонос В. Ш. «Мертвые души» Гоголя: пространство смысла. М.: Флинта, 2018.
13. Лесогор Н. В. «Дантовский текст» в творчестве Н. В. Гоголя: генезис и поэтика: автореф. дисс. ... к. филол. н. Красноярск, 2009.
14. Манн Ю. В. Творчество Гоголя: смысл и форма. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007.
15. Полякова А. А. Структурообразующая роль народного календаря в цикле Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки»: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2008.
16. Проскурина Е. Н. Дом и дорога в поэме Н. В. Гоголя «Мёртвые души» // Филологический класс. 2003. № 2 (10).
17. Смирнова Е. А. Поэма Гоголя «Мертвые души» Л.: Наука, 1987.
18. Софронова Л. А. Мифопоэтика раннего Гоголя. СПб.: Алетей, 2010.
19. Хусаинова О. И. Тема детства в творчестве Н. В. Гоголя: автореф. дисс. ... к. филол. н. Саратов, 2009.
20. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003.
21. Янушкевич М. А. Традиции античности в художественном мире Н. В. Гоголя: автореф. дисс. ... к. филол. н. Томск, 2000.

Информация об авторах | Author information**Жаворонкова Мария Юрьевна¹**¹ Кемеровский государственный университет**Zhavoronkova Maria Yurievna¹**¹ Kemerovo State University¹ miuzh91@mail.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 18.04.2022; опубликовано (published): 30.06.2022.

Ключевые слова (keywords): Н. В. Гоголь; поэма «Мёртвые души»; семейная тема; взаимодействие эпического и романного; автор-повествователь; N. V. Gogol; “Dead Souls” poem; family theme; interaction of the epic and the novel; author-narrator.